БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЬБЕРТА ЭРЕНШТЕЙНА «ВЕЧНЫЙ СОН» («DER EWIGE TRAUM»)

А. С. Камаева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

askamayeva@gmail.com;

науч. рук. – Г. В. Синило, канд. фил. наук, проф.

Цель данного исследования – выявление особенностей реализации библейского контекста в стихотворении австрийского экспрессиониста Альберта Эренштейна (Albert Ehrenstein, 1886 – 1950) «Вечный сон» («Der ewige Traum»), написанного в 1914 г. Доказывается, что библейский контекст является неотъемлемым и одним из ведущих элементов лирики этого писателя, которая выражается через аллюзии на Библию, представленные в синтезе с наследием античной и германской культур.

Ключевые слова: Библия; архетекст; австрийская поэзия; экспрессионизм; Альберт Эренштейн.

Экспрессионизм – одно из ярчайших направлений в литературе начала XX в. Он возник, получил развитие и распространение на территории современных Австрии и Германии, что обусловило специфику его тематического круга и особенностей соединения традиций (барочной, классицистической, просветительской, романтической и др.) и эксперимента в художественном произведении. Как следствие, экспрессионизму удалось в полной мере представить живой портрет мира, находящегося перед лицом надвигающихся мировых катастроф и социальных потрясений (Первая мировая война, распад империй, экономический кризис 1920-х гг.).

Как правило, в такое беспокойное время особую значимость приобретают религиозные тексты, в которых люди ищут опору и уверенность в будущем. Таким текстом для предвоенной Европы являлась Библия, которая, по мнению белорусского литературоведа и германиста Г. В. Синило, еще в начале текущей эры «стала для европейской культурной и литературной традиции тем текстом, через призму которого можно исследовать своеобразие той или иной эпохи, глубже видеть ее интенции, силовые линии, новаторские поиски – и именно тогда еще яснее, когда они преломляются через великую устоявшуюся традицию» [5, с. 15]. Особое прочтение и переосмысление Библии, как одного из главных «архетекстов» (понятие Г. В. Синило) прежде всего европейской литературы не только отразилось на своеобразии жанров, сюжетов и образов, но и на философском мировоззрении писателей.

Среди немецких и австрийских экспрессионистов, в произведениях которых значимую роль играл библейский контекст, особое место занимает творчество Альберта Эренштейна (Albert Ehrenstein, 1886–1950). В его произведениях библейские сюжеты и образы гармонично соединяются с языческими представлениями о конце мира и гибели человечества с помощью хаотической мелодики и поэтики крика. Эти особенности российский писатель и переводчик В. В. Вебер охарактеризовал следующим образом: «Экспрессивным, свободным стихом поэт выразил отчаяние человека перед

лицом мирового хаоса. Апокалиптические образы, исторгнутые оскорбленной, раненой душой, составляют главное содержание всех поэтических книг Эренштейна» [2, с. 758].

Именно поэтому для выявления особенностей библейской архетекстуальности было выбрано стихотворение этого поэта «Der ewige Traum» («Вечный сон»), написанное верлибром и впервые опубликованное в лирическом сборнике «Die weiße Zeit» («Белое время») 1914 г.:

«Ich war der silberschenklige Schenke / Und schenkte den Welt entrückenden Wein. / Bin ich entwirbelt schon dem Freudentanz der Zeiten, / Hat schon die Lust sich drehend umgeschwungen / In Trauer? // Rollend liegt das reiche Jahr / Vor meinen Sandalen, / Ich aber muß verhetzt und wund, / Bloßfüßig über Stoppelfelder. // Im Fließen des Wassers seh´ ich den Durst, / Im Leuchten der Sonne Mond und die Sterne. / Genuß verlor mir allen Leib, / Aus Horen wurden Keren. / Der Erinnerung Wälder, so todesstille, / Kamen und Unkenrufe. // Was wollt ihr Weiber, arm und nackt, / Schmerz, Liebesfurchen um die jungen Augen? / Nicht acht´ ich eure leichte Landschaft, / Das windgewiegte Schlummergras. / Ich höre euer Haar ergrauen! // Ich? Wer bin ich? / Ich bin ein Zeitblock, / Der bröckelt ab und fällt zurück ins Meer. / Ich bin ein Winselwind, der Pfützen trübt, / Ich bin der Blitz, der zuckend verzuckt, / Ich bin der Schnee, der kommt und vergeht, / Ich bin die Ruderspur, die im Teiche sich verliert, / Ich bin der Samen im Schoß einer Hure! // So laß auch du die blutige Gebärde, / Du bist der gute Tod, / Ich bin ein Häuflein Erde. / O komme bald und mende mich, / Erde in die Erde» [7, S. 108–109] (*‘Я был серебрянным трактиром / И дарил восхитившее весь мир вино. / Я уже раскрутился в радостном танце времени, / Уже ли веселье, вокруг себя вращаясь, качнулось / В печаль? // Грохоча, лежит богатый год / Перед моими сандалиями, / Но я должен распаленным [от ненависти] и израненным, / Босым [идти] по жнивам. // В потоке воды вижу я жажду, / В свечении солнца – месяц и звезды. / Удовольствия лишилось все мое тело, / Оры стали керами. / Памяти леса, в таком глубоком молчании, / Пришли и [пророчат] беды. // Чего вы хотите, женщины, бедные и нагие: / Боли, любви морщин вокруг юных глаз? / Не замечаю я ваш светлый пейзаж, / Качающуюся на ветру сон-траву. / Я слышу, как ваши волосы седеют! // Я? Кто я? / Я глыба времени, / Которая крошится и падает обратно в море. / Я визжащий ветер, который лужи мутит, / Я молния, которая трепещуще вздрагивает, / Я снег, который приходит и уходит, / Я след весла, который теряется в пруду, / Я семя в чреве шлюхи! // Так оставь [после себя] и ты этот кровавый жест, / Ты хорошая смерть, / Я куча земли. / О, приди скорее и вмешай меня, / Землю в землю’ (здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. К.)*).

Структурно данное стихотворение разделено на шесть строф, отличных друг от друга по объему (их размер колеблется от четверостишия до восьмистишия) и ритмическому рисунку, в котором преобладают ямбы и анапесты. Таким образом писатель определяет границы логически завершенных частей произведения и позволяет основной идее пройти последовательное развитие.

В первой строфе стихотворения неназываемый лирический герой, который полностью отождествляется с самим А. Эренштейном, описывает свое прошлое через романтизированные образы реалий Германии и Австрии в начале XX в. Так, себя он сравнивает с щедрым трактиром («*der silberschenklige Schenke*»), время в котором проходило в веселых застольях, с музыкой и богатыми виноизлияниями. Однако далее автор отмечает, что этот период жизни уже остался в прошлом: на место радости и страсти пришла печаль («*Nat schon die Lust sich drehend umgeschwungen // In Trauer*»), и сам лирический герой претерпел подобные изменения, хотя еще окончательно в это не верит. Таким образом, уже в первом пятистишии, А. Эренштейн намечает основной мотив произведения – скоротечность и суетность земной жизни. Это перекликается с идеями одной из Книг Священного Писания, а именно с Книгой Екклесиаста: *«Вздумал я в сердце моем услаждать вином тело мое и, между тем, как сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей. <...> / И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною. / Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих. / И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем»* [Екк. 2:3, 9–11]!

В следующей строфе описывается внутреннее состояние лирического героя в настоящее время. Здесь писатель обращается к образу странника или отшельника, покидающего мирскую жизнь («*Rollend liegt das reiche Jahr*») ради внутреннего познания и примирения собственного Я с Божественным Первоначалом. Подобная идея трактуется несколькими способами. Во-первых, ее можно интерпретировать как критику предвидящим человеком искусства современного ему австрийского общества, чувствующего себя в ложной безопасности под многовековой защитой династии Габсбургов. Во-вторых, это четверостишие представляет собой концентрацию различных философско-эстетических взглядов, среди которых можно выделить неостоицизм, характерный для мировоззрения XVII в., и витализм XIX в. Таким образом, эта строфа является, с одной стороны, аллюзией на шестую книгу романа «Симплициссимус» Г. Я. К. фон Гриммельсгаузена, где описывается жизнь главного героя отшельником на необитаемом острове; с другой стороны, она предстает особым переосмыслением конца второй части философской поэмы «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, где главный герой сообщает о необходимости отправиться в новое путешествие: *«Да, еще один раз должен Заратустра вернуться в свое уединение: но неохотно возвращается на этот раз медведь в свою берлогу! / Что случилось со мною? Кто обязывает меня к этому? – Ах, этого хочет мой гневный повелитель, он говорил ко мне; называл ли я вам когда-нибудь имя его? / Вчера вечером*

говорил ко мне мой самый тихий час – вот имя ужасного повелителя моего» [4, с. 179].

Следующее шестистишие отражает трагическое мироощущение лирического героя и самого писателя; так, по словам российского литературоведа И. В. Млечина, «его (А. Эренштейна) лирическое “я”, прежде всего, ощущает свою чужеродность в полном несовершенства мире» [3, с. 681].

В данной строфе писатель отсылает к античной мифологии и поэме Данте «Божественной комедии», однако делает это через противопоставление и описание обратных классическим произведениям сюжетов и образов. Так, в первой строке поэт по-своему пересказывает миф о Тантале, наказанном за свои злодеяния вечно страдать от голода и жажды. В отличие от мифического царя Фригии лирический герой стихотворения может вкушать еду и напитки, но его жажда не может быть утолена. Вторая строка («Im Leuchten der Sonne Mond und die Sterne») в большей степени выражает видение мира в темных, если не черных тонах, т.е. через призму внутреннего восприятия, прошедшего путь от юношеской жизнерадостности до реализма. Это подчеркивает чуждость лирического героя окружающему его миру.

Третья и четвертая строки указывают также и на физическую немощность лирического героя: его уже немолодое тело не чувствует того удовольствия, которое оно могло испытывать в ранние годы («Genuß verlor mir allen Leib»). Эту идею усиливают образы ор (древнегреческих юных богинь времен года) и пришедшим им на смену кер (демонов подземного мира, приносящих живым страдания и позже ставших ассоциироваться с богинями мести эриниями).

В последних двух строках автор отсылает к «Божественной комедии», а именно к тринадцатой песни первой кантики, где описывается седьмой круг Ада – лес самоубийц и мотов. Однако в отличие от оригинального текста XIV в. это место не наполнено криками и стонами, но погружено в полное «мертвое» молчание («so todesstille») и одним своим видом пророчит приближение скорых бед.

Следующее пятистишие показывает отношение А. Эренштейна к женщинам, что является неотъемлемым мотивом в творчестве писателя. Здесь, как и в иных стихотворениях поэта, представлен синтез женских образов, восходящих к языческой и христианской традиции. Так, уже в первых строках лирический герой определяет цель женской жизни – любовь, которую сопровождают страдания («Was wollt ihr Weiber, arm und nackt, / Schmerz, Liebesfurchen um die jungen Augen?»). Однако в следующих строках он отказывается им во взаимности этого чувства: он не обращает внимания на их внешность, которую сравнивает с природой («eure leichte Landschaft»), а даже указывает на скоротечность их земной жизни («Ich höre euer Haar ergrauen!»). Таким образом, в этой строфе гармонично переплетаются образ женского божества, связанного с плодородием и мистикой (на последнее указывает упоминание сон-травы «Schlummergras»), и противопоставление А. Эренштейном аскетизма и даже нигилизма мотивам Книги Екклесиаста, где жизнь, несмотря на свою бренность, обладает ценностью и целью перед лицом

Божественного Первоначала: *«Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. / Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. / Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем. / Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости»* [Екк. 9:7–10].

Предпоследнее восьмистишие звучит в резком контрасте с предшествовавшими ему спокойными по мелодике частями стихотворения. Австрийский писатель и критик С. Цвейг так описывал особенности поэтики своего современника: «Но главное в этом поэте (А. Эренштейне) – его разобщенность, его полифония, явление, когда обертоны и полутона звучат в резчайшем контрасте, когда двойные голоса сознательного чувства пересекаются и перекрещиваются...»¹ [8, S. 355].

Эта строфа представляет собой отсылку на барочную литературу XVII в. Здесь лирический герой и сам поэт через поставленные в первой строке риторические вопросы «Я? Кто я?» («Ich? Wer bin ich?») стремятся понять, чем является человек перед лицом трагического времени. Во многом эта часть произведения пересекается со стихотворением Квирина Кульмана (Quirinus Kuhlmann, 1651–1689) «Изменчивая сущность человеческого бытия» («Der Wechsel menschlicher Plagen»).

Как и в лирическом произведении немецкого поэта XVII в., А. Эренштейн перечисляет возможные ответы. Первым лирический герой называет время, сравнивая человеческую жизнь с камнем, крошащимся и возвращающимся в море. Здесь можно провести параллель с Книгой Бытия, где человек сравнивается с прахом: «*<...> в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься»* [Быт. 3:19].

Далее следуют описания природных явлений, которые яркие, но мимолетны или случаются при определенных условиях (штормовой ветер, молния в бурю, снег, выпадающий каждую зиму). За ними следует сравнение человеческой жизни со следами на воде, остающимися за лодкой или веслом; последним упоминается семя в чреве женщины, что, с одной стороны, также указывает на кратковременность человеческой жизни, а еще, с другой стороны, затрагивает одну из характерных для экспрессионизма тем – тему маргинальных кругов общества, к которым «относятся больные, душевнобольные, инвалиды, нищие, преступники или проститутки», а также

¹ Точнее, в оригинале сказано: «... Aber gerade das Wesentliche an diesem Dichter ist seine Uneinigkeit, sein Vielklang, ist das Phänomen, daß Obertöne und Untertöne in schärfstem Kontrast durcheinanderklingen, Doppelstimmen des bewußten Gefühls sich überkreuzen und schneiden, daß – wie in den Bildern Kokoschkas, den er aus unbewußt bewußter Affinität so sehr liebt – gleichsam verschiedene Gesichter der Seele in widerstreitenden Linien sich zu einer Einheit formen und hinter die Epidermis der Dinge mit Leidenschaft und stärkster gedanklicher Inbrunst dringen».

стилизированные под представителей маргинальных групп художники [6, S. 66)]².

Последнее пятистишие подводит финальную черту в стихотворении. Здесь лирический герой провозглашает тождественность жизни и смерти («Du bist der gute Tod») и снова цитирует Ветхий Завет («O komme bald und nimm mich, / Erde in die Erde»). В то же самое время в этой строфе можно заметить отсылку к творчеству И. В. Гёте и немецким романтикам: в первом случае великий немецкий поэт в своих произведениях сравнивал сон со смертью (например, стихотворение «Wanderers Nachtlied»); во втором случае А. Эренштейн вступает в полемику с романтической традицией, в которой ночь воспевается как время, когда творческий разум наиболее открыт к бессознательному («Hymne an die Nacht» Новалиса, «Nachtwachen» Бонавентуры и др.). Как следствие, жизнь, смерть и сон в понимании А. Эренштейна едины и неразделимы; они являются лишь разными сторонами бесконечного человеческого бытия. На эту мысль намекает и название стихотворения – «Вечный сон».

Таким образом, библейский контекст в поэзии А. Эренштейна и, в частности, в его стихотворении «Der ewige Traum» представлен синтезом христианских и античных сюжетов и образов, а также переосмыслением философских течений и творчества немецких поэтов XVII–XIX вв. В выбранном лирическом произведении писатель опирается на тексты Священного Писания (Книга Бытия, Книга Екклесиаста), цитируя их практически дословно либо рассматривая их через призму собственного философско-эстетического восприятия и трагических событий начала XX в.

Библиографические ссылки

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические: Синодальный перевод.
2. Вебер, В. В. Справки об авторах и примечания / В. В. Вебер // Золотое сечение: Австрийская поэзия XIX–XX вв. / сост. В. В. Вебер и Д. С. Давлианидзе. – М. : Радуга, 1988. – С. 713–783.
3. Млечина, И. В. Альберт Эренштейн / И. В. Млечина // Энциклопедический словарь экспрессионизма / под ред. П. М. Топера. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 680–681.
4. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: [перевод с немецкого] / Ф. Ницше. – М. : Издательство АСТ, 2015. – 416 с.
5. Синило, Г. В. Библия и мировая культура: учеб. пособие / Г. В. Синило. – Минск : РИВШ, 2015. – 685 с.
6. Bogner, R. G. Einführung in die Literatur des Expressionismus / R. G. Bogner. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. – 160 S.
7. Pinthus, K. (Hrsg.) Menschheitsdämmerung: ein Dokument des Expressionismus: mit Biographien und Bibliographien / hrsg. von K. Pinthus. – Berlin : Ernst Rowohlt Verlag, 1920.

² Точнее, в оригинале сказано: «Dazu zählen Kranke, Wahnsinnige, Behinderte, Bettler, Verbrecher oder Prostituierte. Viele Repräsentanten der Bewegung, die aus der Perspektive ihrer Sozialisation und teilweise auch ihres beruflichen Status eigentlich der Mitte des prosperierenden Bürgertums angehören, stilisieren dabei den Künstler ebenfalls zum Außenseiter und lassen in ihren Texten dessen Rolle mit derjenigen anderer gesellschaftlicher Randgruppen verschmelzen».

8. Zweig, S. Albert Ehrensteins Gedichte / S. Zweig // Projekt Gutenberg-DE [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access : <https://www.projekt-gutenberg.org/zweig/rezensio/chap013.html>. – Date of access : 11.11.2023.